

эти тексты в связи с нашей проблемой и в контексте гегелевской философии, то любопытно привести соображение Хайдеггера на счет Гегеля по поводу этого фрагмента Анаксимандра: «Единственный западный мыслитель, мысля постигший историю мышления, – это Гегель. Он же как раз ничего не говорит об этом изречении Анаксимандра... Гегель понимает до-сократовских и до-платоновских философов как до-аристотеликов» (Там же. С.30).

⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С.127. Фр. I. В переводе А.В. Ахутина фрагмент звучит так: «[от тех самых], от которых рождение существующим, в те же самые и гибель им происходит по (взаимо)обязанности; ведь они со временем [если, оставаясь собой, превышают свою меру] получают возмездие друг от друга и возвращаются в свои пределы» (см.: Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб., 2007. С.577).

⁷ Из чего, кстати, нисколько не следует, что онтологический статус «того, откуда вещам рождение» безвинен; о нем здесь вовсе не говорится. Здесь же уместно привести следующий фрагмент Гераклита (спасибо за напоминание о нем в этой связи А. Ахутину): «Солнце не преступит [положенных] мер, а не то его разыщут Эринии, союзницы правды» (см.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. С.220. Фр.52[94]).

⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.79. §13.

⁹ Хайдеггер настаивает на том, что это невозможно уже потому, что «если для нас ходячие обороты из обихода специальностей (физика, этика, философия права, биология, психология) здесь неуместны, то там, где отсутствуют границы специальностей, там нет никакой возможности для преступления неких границ и для неоправданного

переноса представлений одной области в другую» (см.: Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. С.36). Совсем на полях можно было бы отметить, что эти слова Хайдеггера об изречении Анаксимандра отчасти вступают в конфликт с тем, что говорит само изречение.

¹⁰ Ср.: «...фраза Анаксимандра говорит о праве и несправедливости в вещах, о взыскании и пенях, об искуплении и расплате. В картину природы примешиваются моральные и юридические понятия» (см.: Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. С.35).

¹¹ Выше мы оставили вопрос о времени в этом высказывании Анаксимандра. Теперь можно было бы добавить: «сама форма подобного выступления обвинена временем» или же «сама форма подобного выступления обвиняет временность». Различие в этих возможных добавлениях указывает на сложность проблематики, требующей дополнительного исследования, решиться на которое в пределах данного не представляется возможным.

¹² Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. С.53–54.

¹³ Внутримирным бытующим через ссылочность в качестве внутримирного бытующего.

¹⁴ Определяющее и определяемое оказываются различной природой, а поскольку все определяющими всегда оказываются именно определяющие, определяемое объявляется неисправным, поломанным. Именно таков, кажется, принцип, согласно которому представители англо-американской аналитической философии критикуют то, что они же сами именуют metaphysics.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. С.419 (курсив Гегеля. – М.Б.).

УДК 165

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОГО РЕЛЯТИВИЗМА

Н.М. Голик

Саратовский государственный университет
E-mail: goliknina@mail.ru

Рассматривается актуальная проблема современной философии и методологии научного познания – проблема когнитивного релятивизма. Исследование данной проблемы предполагает конкретизацию теоретической основы феномена релятивизма в области научного знания.

Ключевые слова: эпистемология, научная рациональность, когнитивный релятивизм, плюрализм, несоизмеримость, истина, реализм, объективность.

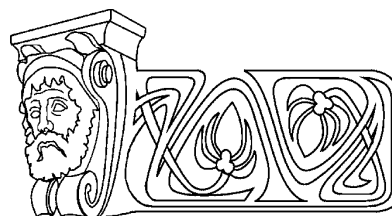
The Scientific Rationality and the Concept of Cognitive Relativism

N.M. Golik

Actual problems of modern philosophy and methodology of scientific cognition are examined – the problem of cognitive relativism. Research of this problem supposes the specification of theoretical basis of the phenomenon of relativism in area of scientific knowledge.

Key words: epistemology, scientific rationality, cognitive relativism, pluralism, incommensurability, truth, realism, objectivity.

© Н.М. Голик, 2009

Проблема релятивизма является одной из ключевых в современной философии. Особую актуальность она приобретает в эпистемологии, нуждаясь во всестороннем, глубоком анализе, в выявлении и осознании природы данного феномена, его типов, форм, видов, а также оценки его роли в познании. Исследование феномена релятивизма требует, на наш взгляд, включения в сферу анализа самого широкого круга проблем и вопросов философии науки: проблем «несоизмеримости» научных теорий, проблем плюрализма научной истины, анализ концепций интернализма, а также изучение взаимосвязи

релятивизма с пониманием рациональности научного знания.

При исследовании когнитивного релятивизма необходимо различать релятивность как характерную особенность, имманентную знанию (относительность, условность, изменчивость объекта знания), и «релятивизм как тенденцию абсолютизации релятивности знания»¹. Важно, что признание релятивности самого знания в познавательном процессе не снимает проблемы релятивности как таковой.

Классическая научная рациональность явилась фундаментом для создания идеального «образа науки». Под ее влиянием формировались такие фундаменталистские принципы, как объективность, истинность научного знания, его кумулятивность и универсальность. При этом в классической науке явление релятивизма отрицается во всех его формах, считается нужным искоренить его из познания, изыскиваются способы его предотвращения. Классическая научная рациональность преодолевает многообразие трактовок мира, приводя все к единству (в виде единственно верных концепций, теорий, парадигм). Но реальная наука никогда не была таковой. Об этом говорит Я. Хакинг, резюмируя идеи Куна: фундаментальным преобразованием в философской перспективе явилось рассмотрение науки как исторического явления: «наука живет во времени и является существенно исторической», наука больше не рассматривается как нечто единое – «науки разъединены. Они состоят из большого числа только отчасти пересекающихся малых дисциплин, представители которых с течением времени могут даже не понимать друг друга», о методологическом единстве не может быть и речи, «существует множество разрозненных средств, используемых для исследований различного вида», наконец, наука некумулятивна².

Это множество идей (по сути дела, релятивизм) в эпистемологии выразилось в проблеме «несоизмеримости», которая означает невозможность сравнивать, переводить соперничающие либо последовательно сменяющие друг друга теории. Выбор же между теориями во многом определяется личност-

ными, мировоззренческими и социально-психологическими предпочтениями. Я. Хакинг выделяет следующие виды несоизмеримости: несоизмеримость вопросов (тем, проблем), разобщение и несоизмеримость значения терминов (смысла)³. Их следствием является отказ от определения общепризнанных критериев рациональности. Стандарты рациональности (как и научности) полностью зависят от главенствующей в это время парадигмы. В этой парадигмальной зависимости, в преобладании социокультурных факторов в противовес когнитивным в познании и сокрыт источник релятивизма.

Соизмеримость, по мнению Р. Рорти, есть определяющее условие рациональности. «Под “соизмеримостью” я понимаю возможность подпадания под одно и то же множество правил, которые говорят нам, как может быть достигнуто рациональное согласие там, где, судя по всему, утверждения входят в конфликт». Отрицание же соизмеримости, а значит и общих оснований, «означает, что подвергается опасности рациональность»⁴.

Постмодернистская философия, настаивая на принципиальном плюрализме, отказывается от «единого Разума» в пользу разного рода множественности (смыслов, их связей, типов рациональности). Не существует ни единой верной концепции, ни «правильного мнения», все теории, дискурсы имеют место быть, все мнения заслуживают уважения. Становится очевидным, что в рамках концепции когнитивного релятивизма отрицается объективность – одна из основных характеристик научной рациональности. В результате, находясь на позиции релятивизма, истина утрачивает свое первостепенное значение для научного знания, перестает быть проблемой, становится контекстуальной, зависимой от времени, места и области применения. Таким образом, выводы современных эпистемологий идут вразрез с классическими взглядами на познание и истину и представляют серьезную угрозу для корреспондентной и когерентной теории истины. Утрата нормативности истины, в свою очередь, ведет к утрате четких границ и критериев истинности. Все это требует пересмотра и конкретизации понятий.

Когнитивный релятивизм – это *Zeitgeist* (дух времени), считают А. Сокал и Ж. Брикмон в своей скандально известной книге. Явлением релятивизма, оказывающим «влияние на культуру и на способ мыслить в целом», пронизан постмодернизм⁵. Однако, утверждают авторы, релятивизм есть не столь уж неизбежное следствие развития философской мысли, как полагают многие. Все дело в неверной трактовке. Истоки *Zeitgeist* в трудах философов науки К. Поппера, Т. Куна, П. Фейерабенда, а также в преувеличении их идей и в неумеренных обобщениях. Помимо этого, пишет Сокал, цитируя Э. Росса, релятивизм усиливает постоянная борьба постмодернизма «с философскими и культурологическими ограничениями больших нарративов Просвещения»⁶ и переполненность «развязностью по отношению к научной точности» многих современных философов⁷.

В современной эпистемологии феномен релятивизма переосмысливается и осознается с учетом возрастания его конструктивной роли в познании. Польза релятивизма, считает Н. Решер, состоит в предупреждении любого рода догматизма и всякой завершенности. Понимание проблемы релятивизма непосредственно связано с пониманием рациональности. Так, определяя границы когнитивного релятивизма, Решер анализирует концепцию рациональности. В отличие от радикальной формы «эгалитарного релятивизма» – «линии никакой рациональности», утверждающей бессодержательность понятия «рациональности», позиция Решера не ведет к отрицанию рациональности как таковой. Все же когнитивный релятивизм не приемлет единый суд разума, как, впрочем, и единственно правильного мнения, а проблема типов рациональности для релятивизма, с точки зрения Решера, является бессмысленной, так как альтернативные трактовки рациональности относительны. Из различных идей и мнений рационально выбираются собственные, на их основе происходит понимание чужой позиции, ее сравнение со своей точкой зрения. Так приходим к «критериологическому эгоцентризму», в котором собственные стандарты рассматриваются как оптимальные и адекватные в сравнении с дру-

гими существующими, а судьями разумности являемся мы сами. Однако это не означает одинаковое принятие всех вариантов, напротив, в рамках контекстуалистского плюрализма отрицается всякое уравнивание позиций по причине того, что «разумная личность не может относиться к нормальной позиции индифферентно – по самой природе вещей». Утверждение собственных стандартов рациональности, наиболее приемлемых, основывается, прежде всего, на нашем опыте, который «носит для нас рационально обязывающий характер»⁸. На нашем же опыте базируются и метакритериологические стандарты рациональности – успех, практическая выгода и польза – типичные характеристики прагматизма, которые, впрочем, не всегда приводят к правильным убеждениям. Однако именно эффективность, ведущая к реализации своих целей, логическая когерентность являются главными показателями рациональности поступка (действия).

Что касается проблемы истины, то, по словам Решера, эмпирический плюрализм не является препятствием в ее поиске. Достичь абсолютной истины, встать на путь идеализации не представляется возможным, в то время как следовать своим стандартам и убеждениям в наших силах. «Реальная истина», безусловно, существует, но действительность несовершенного мира такова, что налагает ограничения на эту истину. Вследствие этого мы принимаем нашу истину за «реальную», причем несколько не обедняя последнюю, а в некотором роде оценивая ее.

На позиции «радикального релятивизма» стоит и «нон-реалист» Н. Гудмен. Он признает возможность построения разнообразных трактовок мира (научных теорий), которые являются действительными и правильными. При этом «правильность» нашего описания обуславливает характер самой реальности, так как мы не обладаем объективным знанием о мире (каков мир есть сам по себе). «Правильность подгонки» исключительно в границах определенного варианта, системы замещает истину⁹. Критерии выбора систем содержат согласованность описания, его простоту, дедуктивную и индуктивную правильность и др. Необходимо отметить,

что в концепции Н. Гудмена множество миров имеют структуру матрешки (один вложен в другой), а не размещены иерархически. Внедрение же методологических принципов на основе плюрализма дает основания для различных мнений и несводимости научных теорий относительно наблюдаемых (и ненаблюдаемых) явлений.

С критикой релятивизма выступает Х. Патнем, понимая его методологическую бесплодность и несостоятельность. Смысл релятивизма состоит в том, согласно Патнему, что каждый человек имеет свои взгляды, а истина есть понятие, зависящее от этих взглядов. Поэтому объективной истины просто не может быть, релятивист говорит лишь о собственной истине и рациональности. Истинность утверждений некоторого человека для последовательного релятивиста является также относительной. Выход из такого состояния он видит в своей новой концепции истины, основанной на внутренней непротиворечивости и согласованности представлений и утверждений, – концепции «внутреннего реализма» («интернализма»). При этом Патнем считает, что интернализм просто несовместим с концептуальным релятивизмом, причем последний может возникнуть в связи с подобной трактовкой истины. Патнем постулирует согласованность нашего знания (теоретических утверждений) прежде всего с опытом, в результате не все теоретические модели выдерживают это. Из критики релятивизма, по мнению философа, следует объективность как «плюралистичной» истины, так и знания в целом. Объективность определяется непротиворечивостью знания и стандартами рациональной приемлемости. Но все же подобная «объективность» по сути есть не что иное как простая общезначимость, которая не сможет до конца избавиться от релятивизма. Для окончательного преодоления релятивизма Патнем вводит допущение некоей «идеальной теории рациональности»¹⁰. Данная теория определяет, является ли мнение рациональным или нет. Она действует повсеместно в любой традиции, во всякой культуре. Эта теория могла бы быть отличным метакритерием, который дает воз-

можность установить границы науки и отделить теоретический мир от разного рода теоретических моделей, если бы она не была так сильно идеализирована.

Упомянутый выше Я. Хакинг утверждает, что в современной философии науки существуют две основные темы – тема рациональности и тема реализма. К первой теме он относит вопросы, связанные с разумом, фактами и методом, ко второй – вопросы существования объективного мира, его истинности. И хотя эти вопросы тесно переплетаются, Хакинг больше говорит о том, что реально. Он объясняет это тем, что реальность больше относится к тому, что мы делаем в мире, чем к тому, что мы о нем думаем («высший суд в философии принадлежит не нашим мыслям, а нашим делам»¹¹). «Рациональность» для него «лишена очарования», «реальность гораздо интереснее»¹². Ключевым понятием в работах Хакинга становится понятие «стиль», которое, по словам канадского философа, заимствовано им у историка Э.К. Кромби¹³. «Стиль научного рассуждения» достаточно широкое понятие, границы его менее определены, как, скажем, у «парадигмы» Т. Куна, и могут включать в себя «различные миры объективного дискурса, как соизмеримые, так и несоизмеримые, тяготеющие к ассимиляции или взаимному отталкиванию»¹⁴. Именно в рамках расширенного понятия «стиля» становятся возможными дальнейшие дискуссии о проблемах рациональности и релятивизме. Трансформации последних понятий в современной философии науки происходят благодаря изменению самого «образа науки», наука «стала ближе к реальности, к живому, изменяющемуся, творческому человеческому познанию, предполагающему многообразие, изменение и смену канонов и принципов научной рациональности»¹⁵.

Развитие самой науки, таким образом, является еще одним источником релятивизма. «Существует много типов рациональности, большое количество стилей мышления, а также много хороших образов жизни», – утверждает П. Фейерабенд – «давний враг догматической рациональности»¹⁶. С явлени-

ем релятивизма нет смысла вести борьбу, так как оно есть «данность» современной науки, считает Л.А. Маркова, настаивая на том, что совершенно иные типы мышления, рациональности и науки «вышли из самой научной классической рациональности в результате ее внутренней трансформации»¹⁷.

Таким образом, проведенный анализ проблемы релятивизма подтвердил фундаментальность последнего. Переосмысление феномена релятивизма современными эпистемологиями с учетом возрастания его конструктивной роли в познании является одной из основных задач философии науки в настоящее время. Утверждение равенства разных моделей описания мира, концептуальных схем как онтологий, существующих на принципах взаимодействия, несводимость их к одной универсальной теории (в реальности – неполной, так как выбор теории всегда произволен) являются, на наш взгляд, неоспоримыми достоинствами рассматриваемого феномена. Релятивистские теории также во многом способствуют созданию общих схем организации опыта.

Примечания

- ¹ Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. М., 2002. С.417.
- ² Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук / Пер. с англ. С. Кузнецовой. М., 1998. С.22.
- ³ Хакинг Я. Указ. соч. С.80.
- ⁴ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С.233.
- ⁵ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Пер. с англ. А. Костиковой, Д. Кралечкина. М., 2002. С.90.
- ⁶ Ross A. Strange Weather: Culture, Science, and Technology in the Age of Limits. L., 1991. P.549.
- ⁷ Сокал А., Брикмон Ж. Указ. соч. С.169.
- ⁸ Решер Н. Границы когнитивного релятивизма // Вопр. философии. 1995. №4. С.47.
- ⁹ Пассмор Дж. Современные философы / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М., 2002. С.97.
- ¹⁰ Патнем Х. Философы и человеческое понимание // Современная философия науки: Хрестоматия. М., 1994. С.146.
- ¹¹ Хакинг Я. Указ. соч. С.45.
- ¹² Там же. С.31.
- ¹³ Там же. С.139.
- ¹⁴ Новая философ. энцикл.: В 4 т. М., 2001. Т.4. С.288.
- ¹⁵ Микешина Л.А. Указ. соч. С.429.
- ¹⁶ Патнем Х. Указ. соч. С.29.
- ¹⁷ Маркова Л.А. Одна наука – один мир? // Науковедение. 2000. №1. С.128–144.